

Есть люди, чьи судьбы и имена так сливаются с судьбой искусства, судьбой родного театра, что становятся символом целого направления. И это не только создатели и основоположники, как Станиславский, Немирович-Данченко, Вахтангов и Мейерхольд.

Много таких замечательных имен ассоциируются у нас и со старейшим театром страны, Академическим Малым театром Союза ССР — хранителем и сокровищницей традиций классического русского театра.

Одним из таких имен называем мы сегодня имя Елены Николаевны Гоголевой, народной артистки Советского Союза, лауреата Государственных премий СССР.

Жизнь ее в искусстве — пример верности однажды избранному пути, пример цельности характера и устремлений.

Если говорить о театральной сцене вообще, то Елена Николаевна в театре с шести лет. Ее отец и мать были страстными театралы: отец был офицером, и только это мешало матери поступить на сцену: офицеров, нарушавших так называемый «кодекс чести», женившихся на актрисах, исключали из полка. После войны 1904 года, когда отец по ранению демобилизовался, мать сейчас же поступила в один из приволжских театров. А после окончания «Института Александрo-Марьинской кавалерственной дамы Чертовой» (Института благородных девиц) шестнадцатилетняя Елена Гоголева тотчас поступила в Московскую Филармонию. Тогда Филармония, кроме своего назначения пропагандиста музыкального искусства, была еще и учебным заведением — там были музы-

НАРОДНАЯ АРТИСТКА

кальные классы и драматические курсы.

Шла первая мировая война, школа Малого театра была закрыта. Но артисты Малого — Платен, Яковлев, Иван Андреевич Рыжов, у которого, собственно, училась Елена Николаевна, преподавали в Филармонии.

Атмосфера театра, в которой прошло ее детство, большая любовь к нему, воспитанная родителями, наконец, несомненные способности, а точнее — талант, формировавшийся в этой атмосфере стремительно и целеустремленно, привели к тому, что юной слушательницей драматических курсов по существу, нечему было учиться. Всею, чему можно было научиться там, она стихийно научилась много раньше, играя мальчиков и девочек в пьесах самых разных эпох и стилей, вдыхая особый, пахнувший клеєм и пылью, гримом и духами запах старых декораций и кулис, запах театра.

В 1918 году ее принимают в труппу Малого театра: Джессика в «Венецианском купце» Шекспира, Татьяна в той первой постановке горьковского «Старика», которая была осуществлена в 1919 году (до революции театру было запрещено ставить Горького).

На этом спектакле был Владимир Ильич Ленин. Но тогда молодая актриса этого не знала — она просто с трепетом и волнением прикасалась к горьковской драматургии, стараясь

максимально точно воплотить то, что услышала в роли, когда Алексей Максимович читал свою пьесу театру.

— Ролью было много. Александр Иванович Южин считал, что лучшая школа — работа на сцене. Всех ролей того времени я уже и не помню. Но вот Софья в «Горе от ума» — этого нельзя не запомнить. Эта роль была этапом, границей чего-то нового в моей жизни. И, пожалуй, она как-то сразу ввела меня в состав ведущих артистов, — говорит Елена Николаевна.

Потом запомнилась Юлька в «Медвежий свадьбе» Луначарского. И, наконец, — «Любовь Яровая» Тренева — роль Пановой. Она-то и была, по существу, началом. Началом собственной линии в театре, началом большой, трудной и счастливой актерской судьбы.

Ей удивительно, потрясающе везло, если можно назвать везением талант, огромную целеустремленность, полную отдачу любимому делу — она играла еще с Ермоловой, с Давыдовым, Южиным, Юрьевым, играла в «Горе от ума», в «Отелло».

В это время — середина тридцатых годов — к актрисе пришла большая и заслуженная слава. Она много выступает с концертами, много сил и времени отдает работе над художественным словом. И, как гром среди ясного неба — опасная болезнь голосовых связок. И это в расцвете лет,

в зените актерской судьбы!

Елена Николаевна всегда отличалась большой волей к целеустремленности. Не случайно в галерее женских образов, созданных ею, так много сильных женских характеров.

Мастерство перевоплощения — великое искусство. И Елена Николаевна владеет им в совершенстве — пропасть разделяет два таких сильных характера, как фру Альвинг в «Привидениях» Ибсена и Мурзавецкую в «Волках и овцах». И все же, перевоплощаясь, актер всегда опирается на какие-то свойства и качества собственного характера, отыскивая в самом себе точки соприкосновения с судьбой и характером героя. Сильный человек, Елена Николаевна Гоголева победила болезнь.

По возвращении в театр, она играла сперва не больше пяти спектаклей в месяц, но постепенно вошла в рабочую колею и стала нормально работать.

Так, в труде, в актерских заботах, с ежедневными будничными репетициями и с озарением праздничных премьер она встретила Отечественную войну. Малый театр эвакуировался в Челябинск, и там была сформирована первая фронтовая бригада народных и заслуженных артистов: в нее вошли Пров Михайлович Садовский, Игорь Владимирович Ильинский, Всеволод Аксенов, работавший тогда в Малом, и, конечно, Елена Николаевна Гоголева.

Не говоря уже о том, что человек деятельный, активный, она не могла быть в стороне в годину бед, обрушившихся на Родину, ее влекла на фронт и своя, материнская беда — сын ее, летчик, пропал без вести. И она рвалась на фронт, где, казалось ей, легче будет отыскать его след...

После исполнения ею роли Пановой в пьесе «Любовь Яровая», где актриса создала образ человека циничного и опустошенного, ей часто приходилось играть «роковых» женщин. А в ней все больше и больше назревала потребность обратиться к образу современницы, героини. Годы Великой Отечественной войны, годы всенародного подвига привели в драматургию таких героинь. И в репертуаре Елены Николаевны появились новые характеры, новые роли.

Первой в ряду образов современниц стала роль актрисы Гореловой в пьесе Б. Лавренева «За тех, кто в море». Эта работа актрисы была удостоена Государственной премии СССР и открыла дорогу новым свершениям, раскрытию новых граней в даровании актрисы. Секретарь парткома Полозова в «Московском характере» А. Софронова (снова Государственная премия СССР), революционерка Ганна Лихта в «Заговоре обреченных» Н. Вирты, крохотная роль жены инспектора местных школ в пьесе «Северные зори», рассказывающей об оккупации Архангельска и Мурманска в 1919 году, по сей день любимая ак-

трисой, — все эти роли и многие другие по-разному показывали высокие свойства души женщины, связавших свою судьбу с Революцией, женщиной — борцов за великое дело свободы.

И вместе с тем, тридцать лет из спектакля в спектакль она играла одну из своих любимых ролей: герцогиню Мальборо в «Стакане воды» Скриба.

Роль для Елены Николаевны начинает завершаться где-то на седьмом, десятом спектакле, но и потом, с каждым новым представлением совершенствуется.

— Надежду в «Варварах» Горького, — говорит Елена Николаевна, — я так и не доиграла до конца. Я вообще считала, что это не «моя» роль. И только после встречи с Марией Федоровной Андреевой согласилась работать над ролью Надежды. Мария Федоровна сама превосходная актриса и близкий друг, жена и помощница Алексея Максимовича, помогла мне найти ключ к этому сложному характеру, сочетавшему высокую романтическую и одновременно мещанское начало.

Жизнь актера — непрерывная цепь открытий, и каждая новая роль — звено в этой цепи. Миссис Кроули в «Ярмарке тщеславия» Теккерея была первой ролью в новой возрастной категории актрисы. Она настойчиво искала грим, парик, для того, чтобы образ, созданный ею, зазвучал в полную силу.

— Мне было интересно! — говорит Елена Николаевна, вспоминая работу над ролью миссис Кроули.

— Мечтала о роли Мурзавецкой, — продолжает она — и не только потому, что образы, созданные мастерами Масалитиновой, Турчаниновой,

Яблочкиной и Пашенной побуждали к серьезному творческому соревнованию, но еще и потому, что сильные женские характеры всегда привлекали меня, даже если они были совершенно чужды и враждебны всей моей человеческой сути...

Во время гастролей мы имели возможность убедиться, что Гоголева достойно продолжила традиции своих замечательных предшественниц.

И в этом спектакле, и в других, например, в «Привидениях» Ибсена Елена Николаевна играет в паре с Никитой Подгорным. На сцене возникает редкая атмосфера духовного родства, единения. И дело не только в том, что по роли их связывают родственные отношения: матери и сына или тетки и племянника. Эти артисты родственны той огромной внутренней свободой, той точностью духовного общения, которая изобличает единомышленников.

— Подгорный удивительно чуток в общении, — говорит Елена Николаевна. — Он моментально подхватывает все нюансы сегодняшнего настроения, сегодняшней интонации спектакля. Ведь спектакль — живое существо, и сегодняшнее представление всегда чем-то отличается от вчерашнего. Он чужд гастролерства. И очень тактичен на сцене даже в мелочах — никогда, даже случайно не станет так, чтобы заслонить партнера перед зрителем.

Творческий портрет, образ Елены Николаевны Гоголевой будет неполным, если не вспомнить того, что много лет она — бессменный председатель Центральной военно-шефской комиссии.

Дочь русского офицера, мать военного пилота, часто

встречавшаяся с великими летчиками страны — Чкаловым, Грозовым, Гризодубовой, Расковой и другими, она не просто любит и гордится Вооруженными Силами страны, но ощущает себя пожизненно военнообязанной.

— Это самый высокий долг среди всех наших человеческих и гражданских долгов — говорит Елена Николаевна, — служить родной Советской Армии, помогать ей, чем можем. Мы, артисты, призваны не только развлекать солдат в часы их досуга. Мы воспитываем эстетические вкусы. Армия сегодня пополнилась большим отрядом передовой технической интеллигенции. Даже рядовой солдат сегодня — классный специалист со средним образованием, человек, остро нуждающийся в духовной пище. И это обязывает нас быть еще теснее и ближе связанными с армией.

Кувшинская Салма в Запольярье и горная застава на южной границе — таков диапазон повздох этой немолодой женщины с живыми темными глазами. На вездеходе и на вертолете, на оленях, на сторожевом катере и в походном газики — как только ей ни приходилось добираться к своим подшефным!

— Однажды, — вспоминает Елена Николаевна, — на целине я читала для четырех человек на большом распаханном поле, у вас, в Казахстане...

И я представила — бескрайнюю степную ширь, и два трактора, сошедшие в середине этой шири, стройную седую женщину с прекрасным одухотворенным лицом и звучным, ясным голосом. И заново ощутила все величие, всю суть высшего звания — народной артистка Советской страны.

Р. ТАМАРИНА.